

ТЕАТРАЛЬНОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА: РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Исследуется университет как культурный феномен с эстетической точки зрения. В центре внимания автора находится связь между театральным и академическим пространством. Утверждается существование сущностного сходства между университетом и театром.

Ключевые слова:

аполлоновская эстетика, дионисийская эстетика, классицизм, просвещение, театр, университет, эстетика академической жизни, эстетическая миссия

О театральном характере русского университета было написано немало. Общая черта всех работ, посвященных этой особенности университетской жизни, состоит в том, что авторы исследований видят истоки театральности университета во времени его возникновения в России. Театральность университета представляется ими как часть основной культурной тенденции XVIII в., проникнутого духом театра. Подобные выводы не вызывают сомнений, т.к. очевидна близость театрального и университетского пространств той эпохи, но интересно взглянуть на это с другой стороны. Предположим, что театр и университет онтологически связаны. Будет ли справедливым считать, что базы этих культурных феноменов обладают сущностным единством? Рассмотрению такого предположения и посвящена данная статья.

Театрализация академического мира преследует, по крайней мере, две цели: самоутверждение науки и просвещение масс. С помощью публичных лекций, опытов, диспутов и пр. наука утверждает свой статус в социуме. Театральность в данном случае выполняет социализирующую функцию. Особенно ярко это проявилось в России XVIII в., когда наука как социальный институт лишь утверждалась в стране. Было необходимо познакомить общество с фигурами профессоров и студентов. Театрализованные формы с их максимальной эмоциональностью наиболее подходили для решения этой задачи. Представляя таким образом публике результаты своей деятельности, академический мир не раскрывал свои секреты, т.е. не десакрализовал науку, а наоборот, демонстрируя мощь своего потенциала, указывал на пропасть, которая лежит между непосвященным мужем и ученым. В результате участники публичных акций-зрелищ должны были

проникнуться чувством уважения и благорасположения к сословию ученых.

Очень важно, чтобы знакомство с новым культурным феноменом (социальным институтом), который в истории европейской культуры институализируется действительно довольно поздно, проходило на фоне положительных эмоций, что обеспечило бы скорейшее его приятие обществом. Театральность публичных событий является одним из аспектов эстетизации академического пространства с целью его утверждения в обществе. Одна из наиболее ярких иллюстраций – зрительный анатомический театр, который посещало больше горожан, чем студентов-медиков. Препарирование трупа превращалось в торжественную церемонию, которая предполагала специальные костюмы хирургов, музыку и даже прохладительные напитки.

Иные задачи преследует театрализация университетского пространства. Здесь нет необходимости «обращать в свою веру» студентов, так как у них уже существует установка на усвоение стиля научного мышления. Университетское образование стремится к тому, чтобы информация, которая сообщается студентам в процессе обучения, стала подлинным знанием, т.е. обрела бы субъективную значимость для познающего. Знанием как достоянием субъекта становится только та информация, которая обретает для человека личностные смыслы; надежно запоминается лишь то, что получает эмоциональную окраску. Университетское пространство театрализуется, дабы студенты вошли в научный текст, эмоционально восприняв его (даже изначально неэмоциональный, например, математический текст). Перед студентами открывается Книга Бытия, которая предстает пред ними в виде сценического действия, даже мистерии.

106 | Вовлеченность в действие дает учащимся возможность яркого эмоционального переживания процесса познания, вживания в смысл текста.

Если справедливо говорить о том, что наука в целом формирует картину мира, то именно в университете эта картина одушевляется, обретает новое измерение – чувственное, эстетическое. В университете научная картина мира предстает в виде драмы бытия и драмы познания. Кафедра оказывается сценой, на которой разворачивается эта драма. Научный текст можно рассматривать как сценарий, который на университетской кафедре превращается в драматическое действие. Университет – это пространство, в котором научный текст обретает голос, из знаковой системы, подобной языку, становится речью, начинает звучать.

Участие в университетском событии, таком, как лекция или семинар, принципиально отличается от работы с текстом. На университетской лекции студенты становятся зрителями и непосредственными участниками события, которое рождается у них на глазах. Читая книгу, можно забежать вперед или вернуться назад, наконец, книгу можно отложить в сторону. Она – законченное творение, которое своей завершенностью и возможностью возвращения к ней, в сущности, становится чем-то вневременным, тогда как всякое университетское занятие строится по канонам классической драмы с единством времени, места и действия. Слушатели превращаются в свидетелей зримого воплощения мысли, которая осуществляется здесь и сейчас. Университетское событие невозможно отложить или приостановить, само осознание этого факта создает ощущение драматической напряженности происходящего. Повествование ли об истории древнего мира или изображение математических формул – все превращается в драматическое событие, в котором действие последовательно развивается, и следующий шаг заранее не известен, даже если содержание текста хорошо знакомо. Формулы не предстают как данность в противоположность тому, как они представлены в книге, а рождаются в процессе лекции. Наблюдение за развитием математической мысли, которая неэмоциональна по своей природе, становится эмоционально напряженным, череда сухих логических выводов воспринимается как спектакль, действующими лицами которого выступают законы математики.

Внутренняя драматургия научного текста раскрывается на кафедре, обретает зримое воплощение. Одно это действие уже делает университет совершенно неповторимым явлением культуры. Никакое дистанционное образование не может заменить живое университетское занятие, поскольку лишь присутствие в аудитории дает возможность принять участие в творческом акте создания и переживания неповторимого феномена – университетского занятия.

Важно заметить, что восприятие этого события сопровождается одновременной эмоциональной реакцией-оценкой: рукоплескания или освистания, несмотря на все запреты, были в университете привычным делом. Профессор как автор и исполнитель собственной пьесы не отстранен от читателя временем и пространством, он неизбежно вступает в диалог со своей аудиторией либо вовсе отказывается от этого, что означает его «сценический» провал. Студенты являются со-творцами университетского занятия как эстетического события, так как отклик аудитории во многом определяет развитие сюжета лекции и особенно семинара. Вместе с тем это событие, которое, при всей многократной повторяемости, становится совершенно уникальным. Как всякая пьеса предполагает возможность разных режиссерских интерпретаций при постановке, так и реализация учебного курса позволяет каждому профессору осуществить свою собственную постановку и исполнить ее в присущей ему одному манере. Лектор подобен демиургу: его повествование о мире скорее напоминает акт творения такого мира, чем его описание. Мир совершается в слове, и задача профессора состоит не только в том, чтобы сотворить этот мир, но и в том, чтобы ввести в него студента. Театрализация создает эффект вовлеченности, погружая студента в драму познания.

Университетская театральность имеет два аспекта: во-первых, это университетские церемонии, воплощающие собой мировой порядок, – то, что можно условно назвать аполлоновским началом университета, его официальной частью, связанной преимущественно с преподавательским составом; во-вторых, это карнавал студенческой жизни как образ прорывающегося хаоса – дионисийское начало.

Университет в своих традициях по сей день сохранил связь со средневековой культурой. Театрализованные университетские ритуалы знаменуют собой незыб-

лемость миропорядка, они проникнуты дидактическим средневековым духом. Университетские церемонии – это одушевленная картина мира, ее зримое воплощение. Смысл таких действий состоит в том, чтобы привести участников к сопереживанию гармонии мира, которая явлена в геометричности ритуала. В формальности ритуала воплощается царство формы в мироздании. Таким образом, университетская традиция оказывается сакральной, т.к. и архитектура, и латинский язык, и облачения – не просто признаки преемственности, но символы структурированности мира (его оформленности, ясности). Этот пласт можно условно назвать «высоким» или дидактическим театром университета.

Его прямой противоположностью является дионисийское (вакхическое) начало университетской жизни. Этот аспект бытия универсантов связан преимущественно со студенчеством. Такое противопоставление двух начал можно рассматривать как продолжение центральной бинарной оппозиции средневековой европейской культуры: аскеза–карнавал. Быт университетских наставников связан с идеей аскезы, даже если они ведут вполне гедонистический образ жизни. Это объясняется тем, что деятельность на университетском поприще представлялась как один из аспектов церковного служения. Действительно, в средние века судьба большинства преподавателей была связана с принятием священного сана и монашеского пострига. Профессора как клирики ассоциировались с глобальностью католической церкви и с ее наднациональностью. Другим полюсом университетской культуры была жизнь студентов, которые гораздо ближе стояли к народной традиции. Именно среди студентов существовало объединение в нации и землячества по признаку происхождения, языка, национальности. Любопытно, что среди произведений, написанных вагантами, есть стихи на немецком языке или с чередованием немецких и латинских строк. Более того, исследователи указывают на национальный немецкий характер лирики вагантов, проступающий сквозь латинскую оболочку. Противопоставление ясной кодифицированной латыни и немецкого языка, грамматика которого еще не была написана, – это символическое противопоставление рационалистической ясности и чувственного тумана. Культура студенчества ассоциировалась

с народной культурой, которая была значительно менее структурирована, чем высокая культура католической церкви. В недрах народного сознания сохранилась смутная память о языческих корнях, что наиболее ярко проявлялось в таком средневековом явлении, как карнавал. Культура студентов – это культура карнавала, бунт против жесткой структуры мироздания, воплощенной в геометричности зданий, стройности университетских церемоний, предельно рационалистическом характере богословия.

Антиподом университетской высокой аскезы являются такие карнавалы студенческие события как попойки. Их природа весьма символична. Смысл студенческих возлияний не сводился к тривиальному получению удовольствия от опьянения. Попойка была смысловым узлом, вокруг которого формировалось пространство студенческой культуры. В университете студенческая пирушка была перевернутым отображением раннехристианских агапе, причем для немецкой студенческой компании было характерно пить всем из одного стакана, свидетельствуя тем самым о принадлежности свое му студенческому братству. Это прямая аналогия евхаристии, где все прихожане причащаются из одной чаши, составляя единое Тело Христово. Точно так же пьющие из одного стакана студенты составляли единую корпорацию, т.е. *Corpus Universitatis*. В этом проявилась еще одна форма театральности – средневековая *Parodia Sacra* (Священная пародия). Если для университета характерно стремление к рационализации бытия, к формированию предельно ясной и прозрачной картины мира, то попойка была попыткой отстоять чувственный, иррациональный компонент мироздания. Показательно, что самое сильное пьянство отмечалось именно в студенческой среде, т.е. в той же среде, которая характеризовалась самым высоким уровнем развития рационалистических способностей.

В дополнение к уже имеющимся сведениям о театральном характере русского университета XVIII в. хочется добавить, что сам университет был частью гигантской постановки Российской империи, призванной изобразить перед Европой русскую европейскость, стать зеркалом, отражающим черты западного мира. Университет в первое время своего существования выполнял роль декорации, ширмы, которая должна была скрыть за

собой зияющую бездну хаоса азиатского мира, чье дыхание было столь ощутимо в Московии. Университет как новый образ упорядоченного мира в ряду других новых институтов вполне годился для этой роли. Особенностью русского университета стало доминирование фасада над внутренней организацией². Если в Европе университеты не имеют «ни начала, ни конца», то во всем облике русского университета ощутима проделанная режиссерская работа. В России университет выстраивался, как выстраивается сценическая композиция, границы пространства которой четко определены. Сцена университетской жизни была организована раньше, чем были выучены роли, впрочем, справедливее будет заметить, что те, кому предстояло сыграть роли университетов, еще и не были набраны. На схожесть вновь создаваемых русских университетов со сценической декорацией указывал В.В. Розанов³.

Эпоха Просвещения предложила России новые идеалы: от героя=затворника, к герою=путешественнику и завоевателю. С тех пор внимание молодежи обращено к героям античности, преимущественно республиканского Рима. Идея форума и диспута для республики была центральной, но в условиях абсолютизации власти в Российской империи она не могла быть реализована, т.к. отсутствовали элементарные демократические институты. В таких условиях университет оказался спасительным выходом для людей, ищущих новые формы жизни. Для Российской империи университет был весьма демократическим институтом, поскольку его автономность имманентна самой идее этого учреждения. Более того, именно в университете уделялось огромное внимание изучению античной культуры (преимущественно латинскому языку). Диспуты (споры) и форумы (сходки, кружки и собрания) были неотъемлемыми чертами университетской жизни. Это был своего рода театр, который предоставлял возможность сыграть роль свободного римского гражданина в казенном имперском окружении. Роль университета подразумевала пусть условное, но всё же право свободы слова. Пожалуй, в российской действительности университет был единственным местом, где была узаконена публичная форма поведения. Особняком стоят театр и храм, где говорящий тоже был на «сцене», но притом оказывался очень жестко ограничен текстом исполняемой роли или церковным

канонем. Великим благом университета были гибкие охранительные рамки роли, которые давали универсанту несколько более свободы, чем остальным гражданам, при этом университетская рампа не была жестко фиксированной, т.е. университетское пространство размыкалось в мир. Студенческая тужурка, как костюм и маска карнавала, разрешала вести себя так, как дозволено лишь в рамках определенной роли. Разумеется, обратной стороной такой свободы было настороженное отношение добропорядочных граждан к студентам.

Если юноша мог обрести свободу посредством усвоения роли «вечного студента» и «добродушного шалопаля», а второй тип традиционно пользовался в России всенародной любовью, то ученый муж освобождался от оков условности, входя в образ «чудака-профессора», и это зачастую спасало его от ответственности за некоторое вольнодумство, поскольку при строгом монархе шуту дозволено говорить более свободно, чем другим подданным. Поступление в университет было, в каком-то смысле, бегством из тесных границ российской повседневности. Университет, как и театр, был пространством игры; действительность там становилась пластичной. Нереализованные в строго регламентированной повседневности желания могли быть воплощены в «виртуальном» университетском пространстве.

Театр имманентен университету. Эстетический потенциал науки актуализируется, в частности, и в театрализованности университетского пространства. Театральный компонент – это один из факторов, что делает университет уникальным культурным феноменом. В наши дни университет не обладает монополией на образование, появилось множество альтернативных каналов получения информации, которые исключают непосредственный контакт преподавателя и обучаемого. Активно обсуждается проблема сокращения часов аудиторных занятий в высших учебных заведениях, много говорится об отживании лекциями своего века. Все это, несомненно, имеет прагматическую обусловленность, но традиционные университетские формы занятий необходимо сохранить, поскольку отказ от них приведет к утрате традиционных черт университета, которые не были только атрибутом конкретной эпохи в истории образования, но являются неотъемлемой частью университетской эстетики. Разумеется, чрез-

мерная увлеченность внешней театральностью характерна для дилетантизма, который был весьма распространенным в российских университетах, где студенты стремились скорее к освоению определенного образа поведения и внешних атрибутов учености, а не к постижению наук,

но внутренне присущую университетской среде театральность как сильнейшее образовательное и воспитательное средство и уникальное эстетическое явление невозможно обойти стороной при исследовании феномена взаимодействия образования и культуры.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике: В 2 т. Т. 2. – СПб.: Наука, 2007. – 604 с.
2. Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. – М.: Новый Хронограф, 2006. – 333 с.
3. Розанов В.В. Почему мы отказываемся от «наследства 60-70-х годов»? // Розанов В.В. Русская мысль / сост., предисл., коммент. А.Н. Николюкина. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 576 с.

¹ «...У публики есть право рукоплескать и выражать недовольство, поскольку ей как присутствующей общности преподносится произведение, которое должно быть воспринято с живым участием здесь, на этом месте, и сейчас, в эту минуту» [1, с. 481].

² «Внешний облик главного университетского дома, которому устроители предавали большое значение как “фасаду” русской науки, отражал понимание важности этого учреждения в глазах “просвещенного” государства. Здесь, на наш взгляд, проявилось то существенное, чем рознился Московский университет от большинства европейских, где “университетское пространство” складывалось столетиями: там “разрез в университетском комплексе важнее, чем фасад...Разрез раскрывает дух университетской функции” [2, с. 135].

³ Вслед за Ф.И. Буслаевым Н.В. Розанов утверждает, что университет – это профессор, а не «...большое кирпичное здание, выстроив которое в Томске и повесив на него вывеску, еще без профессоров, без студентов, все почему-то называли: “Сибирский университет”. Странные понятия об университете – о святилище наук, где они преподаются и которое изготавливается печниками на кирпичных заводах. <...> В “университете” университету еще нужно зародиться; завестись чудакам-профессорам и всей студенческой братии слюбиться, сжиться, порости мхом, кого-нибудь похоронить и справить тризну – и тогда это будет университет. Удостоиться стать им через почетный труд, через доблестную жизнь, через историю – можно; выстроиться университету нельзя» [3, с. 20].